

укладывать одного. Давай прыгнем по очереди: я, дочка и ты. Кто хуже всех прыгает, тот будет спать один». Доброму молодцу понравилось такое предложение; он рассуждал так: как бы там ни было, молодая прыгает лучше старухи. Так что все согласились. Старуха положила мету далеко от дома; она прыгнула первая и совсем недалеко. Потом настал черед дочки, и она прыгнула лихо, так что ландскнехт обрадовался. Он подумал, что она приглашает его допрыгнуть до нее. Вот он и прыгнул на радостях, позабыв свою бедность, и перепрыгнул через мету. Тем временем мать с дочерью заперли перед ним дверь, протянули ему копьё через щель в окне и сказали: «Хо-хо-хо, ты прыгнул чересчур далеко». Так что бедняга зря старался и зря истратил деньги; чтобы не провести ночь под дождем, пришлось ему притулиться у свиного хлева.

Поутру он опять явился к тому крестьянину, что указал ему ночлег. Тот осведомился, как у него дела. Ландскнехт рассказал ему все по порядку. Тот приютил его, потом снарядил в дорогу и на прощание предостерег от прыжков, оставляющих цель далеко позади.

41

О ВОЗЧИКЕ, КОТОРЫЙ ОТКАЗАЛ СВЯЩЕННИКУ В ПРОВОЗЕ СТА ЦАРЕЙ НЕБЕСНЫХ

Добрых, простодушных, благочестивых людей встретишь где угодно; только редко встретишь их среди возчиков, особенно таких, как этот. Случилось так, что возчик ехал порожняком и добрался до монастыря, стоявшего в поле; в этот монастырь ему надлежало доставить письма. Получив письма, настоятель велел возчику распрячь лошадей, поместить их в стойло и, пока они кормятся, поесть самому. Добрый возчик подчинился с благодарностью, позаботился о своих конях и, присоседившись к братии, сам воспрянул духом, угостившись на славу, так как полагал, что за угощение платить не придется; в монастырях так принято.

А в этом монастыре исстари было заведено снабжать все приходы в округе на шесть или восемь миль облатками с Христовым образом. Как раз в то время священник из деревни, расположенной в трех-четыре мили от монастыря, приобрел подобные облатки и, услышав, что возчик едет через его деревню, присоединился к нему и спросил, не подвезет ли он его, а уж за магарычом дело не станет. «С превеликой охотой, любезный батюшка, – ответил возчик, – а что еще надо везти?» – «Да пустяки, – ответил священник, – ничего, кроме двухсот царей небесных». – «Нет, такой груз не по мне: когда бы нужно было везти бочку или тюк, я бы слова не сказал». – «Что за притча, – сказал священник, – неужели тебе помешают цари небесные на возу?» – «Любезный господин, – ответил возчик, – будь то один царь небесный, ну, десяток – куда ни шло, я бы понатужился. Но как я размещу их двести на моем возу?» – «Нет, милейший возчик, – сказал священник, – тебе невдомек, о чем речь. Они же небольшие. Они все помещаются в маленькой жестянке у меня под мышкой». – «Что ж, – сказал возчик, – если это такие покладистые цари небесные, я готов подвезти вас». Они потрапезовали и поехали вместе.

А возчик был в изрядном подпитии; по дороге нужно было ему перевалить через холм; возчик и дал маху, не разглядев ухаба; вот воз и перевернулся. Священник очень рассердился и сказал: «Как это тебя угораздило опрокинуть пустой воз? Что бы ты натворил, кабы воз был груженный?» – «Эх, – сказал возчик, – нешто он не груженный, когда на нем столько царей небесных, да еще такой большой, тяжелый, толстый поп? Ищите себе другую подводу! На мой воз вы больше не сядете». С этими словами он выправил воз и укатил, а священнику пришлось возвращаться пешком.

Священник тоже при этом не совсем прогадал, так как ничего худого с ним не приключилось и он отвел душу, обругав возчика и не заплатив ему. Таких неблагодарных людишек тоже везде предостаточно; доведи их бережно хоть до Рима да ссади их малость небрежно – и не жди уже благодарности; все впустую: усилия, усердие, работа, затраты и все прежние благодеяния позабыты.

42

О ВЕЛИКОМ ХВАСТУНЕ, КАК ОН ВВАЛИЛСЯ В МЕРТВЕЦКУЮ, ИЛИ В ПОГРЕБАЛЬНИЦУ

И в наши дни встречаются такие заядлые хвастуны, или бахвалы; они пыжятся, будто готовы обрубить всем и каждому уши со злости, а сами, доведись им идти ночью через кладбище, нороят обойти его за четверть мили. Так вот и петушился некто, нося на шляпе страусовые перья, а сердце прикрывая заячьим мехом. Однажды он возвратился домой с потешной войнишки. На людях он повадился рассказывать о жестоких ударах меча, которые он якобы нанес; послушать его – так он